

Н.Н. Ефремова

ведущий научный
сотрудник Института
государства и права РАН,
профессор кафедры
теории и права
и сравнительного
правоведения
Национального
исследовательского
университета «Выс-
шая школа экономики»,
кандидат юридических
наук*

Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры России пореформенного периода

150-летию Судебных
уставов посвящается

Модернизация отечественной юстиции в имперский период проходила в несколько этапов, наиболее значительным из которых явился так называемый пореформенный (вторая половина XIX в.). В ходе судебной реформы 1864–1899 гг. решались задачи создания суда «скорого, равного, милостивого и справедливого». Справедливость явилась той идеологической категорией, которая определяла построение институциональной и функциональной основ новой юстиции. Она повлияла на формирование профессионального правосознания юристов и с помощью их деятельности — на массовое правосознание. Это в целом способствовало росту уровня правовой культуры российского общества вразрез с традиционно имманентным ему правовым нигилизмом.

Ключевые слова: гуманизм, законность, нравственность, правда, правовая культура, правосознание, правосудие, справедливость, судебная реформа, юстиция.

Первые попытки модернизации российского суда в русле освоения сложившихся в Новое время в западной, европейской цивилизации гуманитарных ценностей и институтов судебного права, были проведены в XVIII в. — это реформы Петра I и Екатерины II. Они положили начало длительному процессу формирования надлежащей организации правосудия, основанной на принципах независимости суда, несменяемости судей, состязательности, гласности, публичности процесса, формальном равенстве и признании равнодостоинства его сторон, обоснованности, справедливо-

* Адрес: Москва, 119017, ул. Малая Ордынка, 17. E-mail: nadnike@mail.ru

сти решений беспристрастных судей, гуманизме наказаний. Часть из этих принципов была в определенной мере реализована в концепции судебной реформы 1864–1899 гг. Правовую ее основу составляли Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., явившиеся апогеем развития имперского судебного законодательства.

И хотя достижения эти были в значительной мере формальными, заметный правосудный прогресс был достигнут.

Проблема реформирования судебной системы Российской империи в эпоху Великих преобразований Александра II постоянно привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей, о чем свидетельствует обширная историография¹. Однако далеко не все аспекты этой темы нашли отражение в научной литературе. Одной из пробельных остается проблема влияния сформированных тогда институтов юстиции и персонально юристов новой формации на развитие правосознания и правовой культуры российского общества в целом и различные его социальные слои в частности в контексте освоения универсальных фундаментальных прогрессивных принципов правосудия (прежде всего принципов законности и справедливости, а также связанных с ними нравственных и религиозных ценностей, составляющих фундамент и гарантии справедливости).

Тема справедливости оказалась весьма актуальной и привлекательной для российских философов и правоведов XIX в. Характерной особенностью отечественной историографии того периода было исследование проблем права и справедливости в связи с проблемами религии и нравственности. По мнению Н.М. Коркунова, в частности, «право никогда не обособляется... от нравственности»². При этом источником такого дуализма данных социальных базовых ценностей была божественная по своей природе любовь к ближнему, восходящая к библейской традиции. Таким образом, российские концепции справедливости имели гуманистическую направленность.

Поэтому одни исследователи рассматривали справедливость и нравственность как тождественные понятия, другие полагали, что справедливость — это частное, входящее в целое — нравственность³.

Есть мнение, что справедливость тождественна правде. Так, например, К.А. Неволин определял правду как «верность данного нравственного существа целому обществу (союзу) нравственных существ», при этом понятия правды и справедливости совпадали⁴. Н.А. Бердяев указывал: «Искать правду — значит искать одновременно высшую истину и высшую справедливость»⁵. По мнению В.И. Хайрулли-

¹ См. напр.: *Ефремова Н.Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX вв. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. С. 13–21; *Большакова О.В.* Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России (обзор англоязычной литературы) // <http://www.bibliotekar.ru/buharin/5.htm>

² *Коркунов Н.М.* Проблемы права и нравственности // Русская философия права. Изд. 2-е, доп. СПб.: Алетейя, 1999. С. 135.

³ См. об этом: *Хайруллин В.И.* Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М.: URSS, 2009. С. 83–84.

⁴ См.: *Неволин К.А.* Энциклопедия законовещения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 41–42.

⁵ *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Мысль, 1991. С. 391.

на, сравнившего два приведенных мнения, «правда в русском правовом сознании может отождествляться как с истиной, так и со справедливостью»⁶.

Объяснение такого совпадения понятий дают и другие исследователи: «Потребность в «правде — справедливости» заключается в естественном желании каждого человека, чтобы к нему относились правильно, по правде, по справедливости, по-человечески, считались с его общечеловеческими потребностями, чувствами и связанными с ними интересами»⁷.

Весьма глубоко разработал проблему справедливости Б.Н. Чичерин, сформулировав следующие (противоположные общим подходам других исследователей) постулаты: воздающая справедливость, основанная на принципе воздаяния «каждому того, что ему подобает», — есть высшая справедливость; справедливость есть правда; справедливость может быть юридической (правда) и нравственной⁸. При этом воздаяние по справедливости юридической или нравственной осуществляется в соответствии с законами юридическими либо нравственными.

Ф.М. Достоевский, по мнению В.И. Хайруллина, в первом периоде своего творчества определял правду как справедливость в человеческом понимании. Во втором периоде его творчества правда — это «высший духовный закон», Божья правда, тогда как высшая справедливость в человеческой жизни заменяется ее противоположностью: «прав... не тот, кто действует по моральному закону, а тот, кто имеет деньги и власть, то есть тот, кто сильнее»⁹.

При наличии разных подходов к определению полагаем, что справедливость является правовой ценностью, правовой категорией, важнейшим критерием разграничения правового и противоправного.

Вместе с тем в современной литературе есть мнение о «глубоком родстве» справедливости и законности. Так, например, Лон Л. Филлер, со ссылкой на Г.Л.А. Харта, объясняет это родство тем¹⁰, что отмеченные категории действуют по заранее известным правилам. Наличие этих правил диктуется внутренней моралью права, и если закон действует по заранее известным правилам, он справедлив. В российской юриспруденции такое отождествление не принято. При всех расхождениях в понимании социальной природы справедливости и ее дефинициях она признается основой правосудия либо его тождеством: латинское выражение «Fiat iustitia» переводится на русский язык как «Да здравствует правосудие (либо справедливость)».

Приведенные взгляды на справедливость в целом соответствовали формирующимся в профессиональном юридическом сообществе Российской империи представлениям об этом принципе правосудия. В практической деятельности прогрессивных юристов, прежде всего адвокатов (либерального авангарда юридического сообщества), эта идея активно пропагандировалась и продвигалась в целях модернизации, либерализации, гуманизации правосудия, правосознания и правовой культуры.

⁶ Хайруллин В.И. Указ. соч. С. 84.

⁷ Мельник В. Божественная правда и справедливость правосудия // Российская юстиция. 1999. С. 10. Цит. по: Хайруллин В.И. Указ. соч. С. 85.

⁸ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 160, 165.

⁹ Хайруллин В.И. Указ. соч. С. 87–89.

¹⁰ См.: Филлер Л.Л. Мораль права. М.: ИРИ СЭН, 2007. С. 188–189.

Говоря о влиянии различных факторов на идейные основы и практику проведения судебной реформы 1864 г. и дальнейшую правоприменительную деятельность новых органов юстиции, наряду с идеологическим, нельзя недооценить человеческий фактор.

Утвердившиеся в эпоху Просвещения идеи о «правлении закона» как нормативного основания устройства государства и общества, а также о праве, независимом от и стоящим над политикой, легли в основу так называемых Великих реформ 60–70-х годов XIX в. Для их реализации требовались иные государственные деятели и служащие, отличавшиеся от бюрократов екатерининского времени.

Как отмечают исследователи-историки, «генезис судебной реформы... связывают с формированием в среде российской бюрократии нового типа гражданского чиновника — носителя «правового этоса»¹¹. Решению проблемы кадрового обеспечения модернизируемого государственного аппарата в целом, а позднее органов юстиции в частности способствовала политика императора Николая I, осознававшего необходимость подготовки образованных специалистов, в том числе юристов. В 1835 г. было открыто элитарное учебное заведение английского типа — Императорское училище правоведения, действовали сложившиеся и создавались новые юридические факультеты университетов, хотя, как известно, юристов на душу населения в России было куда меньше, чем в развитых западных государствах. Не было достаточного числа юристов-профессионалов и для наполнения юридических учреждений, создаваемых в ходе продолжавшейся 35 лет судебной реформы.

Р.С. Уортман приводит следующие цифры, со ссылкой на Д. Ровинского: на 1000 жителей России до судебной реформы 1864 г. приходилось 0,04 чиновников судебного ведомства (против 0,4 во Франции). Даже не принимая во внимание правосознание российских служителей Фемиды, понятно, что они не могли повлиять на массовое правосознание и правовую культуру в российском обществе¹².

Однако формированию нового либерального мировоззрения в сфере учащейся молодежи в предреформенные десятилетия способствовало, как отмечает Р. Уортман, блестящее «салонное» образование, полученное выпускниками Училища правоведения, и более широкие, фундаментальные знания, которые давали юридические факультеты университетов. Важным было и «то ощущение принадлежности в группе избранных, призванных осуществить некую миссию во имя торжества законности и правопорядка в России, которое правоведы вынесли из стен своей *alma mater*»¹³.

Описывая «юридически-эпический» тип чиновника, принявшего участие в подготовке и проведении судебной реформы 1864–1899 гг., Р. Уортман определяет принадлежавших к нему как сравнительно молодых представителей элиты столичной бюрократии, получивших юридическое образование в Училище правоведения, Царскосельском лицее и в университетах, занявших в середине XIX в. стратегические посты в правительственном аппарате. Движимые благородными идеями, а также личным честолюбием, используя свои связи с лицами, приближенными к

¹¹ См.: *Большакова О.В.* Указ. соч.

¹² См.: *Уортман Р.С.* Властители и судьи. Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 405.

¹³ См.: *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976/XII. P. 208–218.

императору, они и подготовили реформу¹⁴. Идейные основы их проектов составляли постулаты исторической школы Ф. Савиньи и др.

Одним из ключевых концептуальных понятий нового типа политической культуры чиновничества стала законность, противопоставляемая произволу. Как отмечал Т. Тарановский, идея права и законности в мышлении прогрессивных чиновников-юристов больше не воспринималась как средство исполнения воли монарха-суверена, а приобрела самостоятельность и привела к осознанию необходимости признания за подданными объективных личных и гражданских прав, а законность стала восприниматься как константа правового государства¹⁵. Отсюда и необходимость признания независимости судебной власти, определившая направление судебной реформы.

Эти и другие либеральные гуманистические идеи легли в основу Судебных уставов 1864 г., применение которых большинство западных историков расценивают как важнейший шаг к построению гражданского общества¹⁶, но также, по нашему мнению, и к формированию конституционного строя.

Судебная реформа 1864–1899 гг. была самой радикальной и прогрессивной в ряду других реформ, она создала в России суд, который, по определению М.Н. Каткова, выражавшего мнение консерваторов, явился «судебной республикой» в самодержавной абсолютистской монархической государственности.

Вместе с тем, несмотря на формальную демократичность вводимых новых институтов юстиции, не следует идеализировать судебную реформу. Хотя ее «отцы» (по выражению А.Ф. Кони) и использовали лучшие западные образцы, но эти новационные модели включались в государственный механизм, остававшийся в целом архаическим, и по своей природе не соответствовали, противоречили основам российской государственности. Это в значительной мере обусловило проведение так называемой судебной контрреформы, фактически переплетавшейся с начала 70-х годов XIX в. с мероприятиями реформы.

Тем не менее, несомненная удача судебной реформы в целом была в немалой степени обусловлена (помимо прогрессивных принципов и институтов судебного права, вводившихся на большей части территории Империи) личным вкладом выдающихся представителей юридической профессии, в большом числе представлявших так называемое судебное ведомство и другие институты юстиции, например адвокатуру, юридическую науку, образование и публицистику. Они стали творцами, пропагандистами и проводниками нового типа правосознания и правовой культуры.

Принцип справедливости, т.е. соразмерности и признания равнодоинства личности участников юридического спора или конфликта, отстаивался юристами новой формации, прежде всего присяжными поверенными, — профессиональными адвокатами. Они энергично оправдывали в своей деятельности цель Судебных уставов 1864 г.: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных...».

Как отмечал А.Ф. Кони, «судебная реформа призвана была нанести удар по худшему виду произвола, произволу судебному, прикрываемому маской фор-

¹⁴ См.: Ibid. P. 3.

¹⁵ См.: *Большакова О.В.* Указ. соч.; *Тарановский Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1855–1874. М., 1992. С. 308.

¹⁶ См.: *Большакова О.В.* Указ. соч.

мальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке нечего было делать... Только с изданием Судебных уставов — судебная практика и наука пошли рука об руку, в гармоническом взаимодействии»¹⁷. Необходимо в связи с этим упомянуть также деятельность университетских юридических обществ, выполнявших право-воспитательную, право-пропагандистскую, издательскую и координационную научно-практическую функции с 60-х годов XIX в. до начала XX в.

Суд правый, или правосудие, является понятием, тождественным справедливому судебному разбирательству. Понятно, что даже самая совершенная судебно-процессуальная организация без соответствующего по качеству материального права не может обеспечить подлинного правосудия, но может смягчить несовершенство последнего, выходя на более высокий уровень в поступательном приближении к идеальной модели.

Не в меньшей мере способствовать прогрессу правосудия могут лица, участвующие в осуществлении судебной власти. Большая роль в этом в российской юстиции принадлежала присяжным заседателям — выразителям народных чаяний о справедливости, готовых противостоять возможному произволу коронного суда, и присяжным поверенным (адвокатам), корпорация которых в тот период формировалась. Можно привести ряд примеров известных адвокатов, борьба которых за справедливое судебное решение служила правому суду, а яркие талантливые выступления лиц, убежденных в своей правоте, в случае выигрыша в процессе способствовали изменению бытовавшего в дореформенный период негативного отношения общества к суду. Адвокат помимо защиты в уголовном или представительства в гражданском процессе давал юридические консультации, просвещал лиц, обращавшихся за советом. Свобода, внезапно вошедшая в общественную жизнь в период Великих реформ, на первый план поставила личность, а не учреждения, в силу чего юристы и их имена стали символом обновления юридического быта в России. А.Ф. Кони писал: «нельзя отделить работу *отцов* судебной реформы от деятельности *детей*, т.е. ближайших учеников и практических приложителей этой реформы к жизни...»¹⁸. В связи этих поколений А.Ф. Кони видел гарантии уважения к основам истинного правосудия и «возвышающей их человечности»¹⁹.

Среди «отцов и детей» судебной реформы А.Ф. Кони называл Д.А. Ровинского, С.И. Зарудного, Н.И. Стояновского, К.К. Арсеньева, А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича и др. В своих речах, обращенных к присяжным заседателям, они звали к справедливости и обращали внимание присяжных на факты и обстоятельства, способствующие ее обеспечению при вынесении решения. Так строили свои речи К.К. Арсеньев и др.

Ф.Н. Плевако освещал не только юридическую сторону дела, но и затрагивал социальные вопросы, волнующие общественность, учитывая психологическую глубину переживаний обвиняемых. По выражению А.Ф. Кони, у Ф.Н. Плевако «ораторское искусство переходило в вдохновение», пробуждая соответствующие чувства у присяжных заседателей, решающих по сути судьбу человека, добивавшихся оправдательных вердиктов по доказанным основаниям отсутствия умысла и т.п.

¹⁷ Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) 1864 г. 20 ноября 1914. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. III.

¹⁸ Кони А.Ф. Указ. соч. С. III.

¹⁹ Кони А.Ф. Указ. соч. С. IV.

По делу о подлоге Ф.Н. Плевако в заключение своей речи произнес, обращаясь к присяжным: «Перед судом по Судебным уставам нет богатых и бедных, нет сильных и слабых, а все равны, все одинаково ответственны. Вы докажете тогда, насколько справедливо можно применить к людям, которым приходится стоять перед вами, слова, что «несть эллин и иудей...».

Сам А.Ф. Кони, испытавший себя на разных поприщах юстиции, с молодых лет заявил о себе как о борце за прогрессивные и демократические идеи о праве. Также он считается основателем судебной этики, поскольку нравственным основанием правосудия отводил важное место в учении о судопроизводстве. Строгого соблюдения этических начал он требовал как от судьи, так и прокурора и адвоката.

В речи известнейшего адвоката К.Ф. Хортулари по делу Марии Левенштейн апелляция к справедливости выражена так: «Господа присяжные заседатели! Если только Вы признаете за судом уголовным и его приговором нравственно-педагогическое значение и не отрицаете того глубокого интереса, какой представляет собой настоящий процесс, затрагивающий одну из самых больных сторон нашего общественного организма, то... должны будете отнестись к участи обвиняемой... с особенным вниманием и осторожностью, которыми только и обуславливается справедливость человеческого суда вообще и вашего будущего приговора в особенности»²⁰. Таких примеров из адвокатских речей множество, что позволяет характеризовать как ведущую и определяющую роль присяжных поверенных в развитии общественного правосознания, в преодолении правового нигилизма, характерного для социальных низов российского населения, в повышении доверия к суду, обеспечивающему правосудие, основанное на справедливости. Вместе с тем нельзя не отметить, что судебная реформа не распространялась на все регионы империи, при этом сохранялись, в частности, особые сословные суды для крестьян — волостные, осуществлявшие юрисдикцию на основе правовых обычаев. Это не могло способствовать созданию единой системы правовых ценностей и преодолению правового мультикультурализма.

Не апологетируя в целом деятельность адвокатов, нельзя не признать, что лучшие их представители сделали много для формирования правовой культуры России в рассматриваемую эпоху. Они и другие судебные деятели оценили возможности гласного и публичного судопроизводства, предоставлявшего им общественную трибуну. Правосудие явилось для них средством, воспитывающим гражданственность и правосознание и формирующим нравственные идеалы добра, справедливости и других социальных ценностей, определяющих поведение людей. И хотя эта традиция была прервана с учреждением советского суда в ноябре 1917 г., однако созданные высокие образцы юстиции остались в отечественном опыте.

Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Мысль, 1991.

Большакова О.В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России (обзор англоязычной литературы) // <http://www.bibliotekar.ru/buharin/5.htm>

Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007.

²⁰ См.: Судебные речи знаменитых русских адвокатов. М., 1997.

Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию Судебных уставов) 1864 г. 20 ноября 1914. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1914.

Коркунов Н.М. Проблемы права и нравственности // Русская философия права. Изд. 2-е, доп. СПб.: Алетейя, 1999.

Мельник В. Божественная правда и справедливость правосудия // Российская юстиция. № 9. 1999.

Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

Хайруллин В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли. М.: URSS, 2009.

Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998.

Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976/XII.

.....

Justice as a Factor Developing Legal Consciousness and Legal Culture in Russia (in commemoration of 150th anniversary of judicial statutes)

N.N. Efremova

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, leading researcher, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Legal Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka str., Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: nadnike@mail.ru

Abstract

Modernization of Russian justice in the Imperial period took place in several stages. The most significant one was the so-called reform period (the second half of the 19th century). During the 1864–1899 judicial reform, the measures were taken to establish the court which would be *fast, equal, merciful and just*. Justice was the ideological category which determined the institutional and functional basis of the new justice. The latter promoted to professional legal consciousness of lawyers who promoted to mass consciousness. Overall, the reform contributed to the development of legal culture contradicting legal nihilism typical of Russian society.

Keywords

Humanism, lawfulness, morality, truth, legal culture, legal consciousness, legal justice, justice, judicial reform, justice.

References

Berdyaev N. (1991) *Samopoznanie* [Self-cognition]. Moscow, Mysl, 391 p.

Bol'shakova O. (2011) Sudebnaya reforma 1864 goda i formirovanie pravovoy kultury v dorevolyucionnoy Rossii (obzor angloyazychnoy literatury) [Judicial Reform

of 1864 and Formation of Legal Culture in Russia before the Revolution]. Available at: [http:// bibliotekar.ru/buharin/5](http://bibliotekar.ru/buharin/5) (accessed 04.06.2013)

Chicherin B. (1998) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Saint Petersburg, Nauka, pp. 160–165.

Efremova N. (2007) *Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii 18 — nachala 20 v.* [Formation and Development of Judicial Law in Russia in the 18th — early 20th Century]. Moscow, RUDN, pp. 13–21.

Filler L. (2007) *Moral' prava* [Morality of Law]. Moscow, IRI SAN, pp. 188–189.

Khairullin V. (2009) *Kategoriya spravedlivosti v istorii politico-pravovoy mysli* [Category of Fairness in the History of Political and Legal Thought]. Moscow, URSS, pp. 83–84.

Koni A. (1914) *Otsy i deti sudebnoy reformy (k pyatidesyatiletiyu Sudebnykh Ustavov)* [Fathers and Sons of Judicial Reform (in Commemoration of the 50th Anniversary of Judicial Statutes)]. Moscow, I.D. Sytina, pp. 111–114.

Korkunov N. (1999) *Problemy prava i нравственности* [Problems of Law and Morality]. Saint Petersburg, Aleteya, 135 p.

Mel'nik V. (1999) *Bozhestvennaya Pravda i spravedlivost' pravosudiya* [Divine Truth and Fairness Ofjustice]. Moscow, Rossiyskaya yustitsiya, p. 10.

Nevolin K. (1997) *Entsiklopediya zakonovedeniya* [Encyclopedia of Law Studies]. Saint Petersburg, SPbGU, pp. 41–42.

Taranovski T. (1992) *Sudebnaya reforma i razvitie politicheskoy kultury Tsarskoy Rossii* [Judicial Reform and Development of Political Culture in Monarchial Russia]. Moscow, Progress, 308 p.

Wortman R. (2004) *Vlastitely i sud'y. Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Rulers and judges. Development of Legal Consciousness in Imperial Russia]. Moscow, Novoe literturnoe obozrenie, 405 p.

Wortman R. (1976) *The development of a Russian legal consciousness*. Chicago, pp. 208–218.